

История СССР за рубежом

О ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Н. В. НАУМОВ

Процесс формирования и развития концепций Великой Октябрьской социалистической революции во французской буржуазной историографии определялся различными социально-экономическими и политическими факторами. Достижения Советского Союза и мировой социалистической системы, рост влияния идей марксизма-ленинизма вынуждали буржуазных историков Франции отказываться от наиболее примитивных мифов антисоветизма, искать причины рождения нового строя в России вне обветшалых антикоммунистических догм. С другой стороны, антисоветская политика империалистических держав, обуславливавшая порой весьма резкие изменения позиции Франции по отношению к Советскому Союзу, а также приверженность французских советологов методологическим канонам старых исторических школ и традиций объясняют живучесть этих догм, проявление их в том или ином модифицированном (а порой и в «чистом») виде во французской исторической литературе, посвященной Октябрю. Не претендуя на исчерпывающий анализ всех работ французских буржуазных историков, данная статья ставит целью рассмотреть те из них, в которых наиболее ярко выражаются основные тенденции в исследовании причин и характера Октябрьской революции¹.

Некоторые концепции Октябрьской революции, получившие широкое распространение во французской буржуазной историографии в период между двумя мировыми войнами, но в отдельных своих положениях представленные и в современных работах, уходят своими корнями еще в период от Февраля к Октябрю 1917 г., когда французские историки рассматривали события в России непосредственно с позиций современников, стремившихся оценить перспективы политического развития мира. Их взгляды определялись прежде всего политическими целями правящих кругов Франции, которые стремились обеспечить активное участие России в войне и помогали Временному правительству в его борьбе против развития революции².

¹ Критический разбор французской буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции содержится в ряде работ советских историков. См., напр., И. И. Минц. Основные этапы изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции за рубежом. В сб. «Зарубежная литература об Октябрьской революции», М., 1961, стр. 3—32; А. Е. Иоффе и С. В. Мокин. Французская историография Великой Октябрьской социалистической революции. Там же, стр. 196—220; Б. Е. Штейн. Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР в освещении зарубежной историографии. В сб. «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1957, стр. 315—364; А. Е. Иоффе и С. В. Мокин. Французская историография. «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 7, стр. 136—144. Среди этих статей нет, однако, специального исследования формирования и развития различных тенденций французской буржуазной историографии Октября.

² См. об этом А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г., М., 1958, стр. 64.

При оценке Февральской революции французские историки исходили из распространенного уже тогда в буржуазной историографии тезиса, будто революция 1905 г. создала условия разрешения «сверху» задач буржуазно-демократических преобразований в России. В промышленном подъеме 1908—1913 гг. и в аграрном законодательстве Столыпина французские историки видели залог того, что эти задачи успешно решаются и будут решены без радикальных революционных потрясений³.

Именно этими причинами объясняется тот факт, что в период до июля 1917 г. во французской литературе (как и в англо-американской) господствовала «антигерманская, провоенная теория» Февральской революции⁴, охарактеризованная французскими историками «мятежом патриотизма». Обобщенно она выражала настроения буржуазии Антанты, в целом приветствовавшей приход к власти в России своих собратьев по классу, от которых ждали более решительных действий на Восточном фронте и подталкивали на эти действия прославлением русского «патриотизма».

Разновидностью этой концепции явилась попытка некоторых французских историков определить характер и ход дальнейшего развития революции в России путем сопоставления ее с Французской буржуазной революцией XVIII в. Это сопоставление, как правило, ограничивалось отысканием чисто внешних аналогий в политической истории последней. Так, по утверждению одного из виднейших французских историков А. Олара, «народный переворот, который только что разразился в Петрограде, был аналогичен народному государственному перевороту, который у нас 10 августа 1792 г. укрепил, свергнув Людовика XVI, успех национальной обороны»⁵. После краха самодержавия Общество истории французской революции послало телеграмму председателю Государственной думы с выражением симпатий; в этой телеграмме Дума была приравнена к Национальному Конвенту. В честь русской революции 1 апреля 1917 г. Лига прав человека и гражданина провела в Париже митинг, на котором Олар заявил, что «французская революция вдохновила — и это мы видим с гордостью — русскую революцию»⁶. Весной 1917 г. Олар написал по просьбе французского правительства брошюру «Русская революция и Французская революция. Письмо к гражданам свободной России». Брошюра была издана и на русском языке⁷. Автор объявлял основным содержанием Французской революции борьбу с иностранными интервентами и указывал: «Мы с радостью видим, что русская революция гордо отвергает, как бесчестие, мысль о том, чтобы покинуть своих союзников, рискнувших своей жизнью для охраны свободы одного из славянских народов»⁸.

³ См. A. Rambaud. Histoire de Russie depuis les origines jusqu'à nos jours, Paris, 1918, pp. 880, 930 (К 1918 г. вышло 7 изданий книги Рамбо); P. Charles. Le parlement russe. Son organisation. Ses rapports avec l'Empereur, Paris, 1910. В предисловии к работе Шалля, в которой революция 1905 г. охарактеризована как «самая великая революция русской истории» (P. Charles. Op. cit. p. 205), академик, директор школы политических наук в Париже А. Леруа-Болье писал: «Эта революция дала России то, о чем напрасно мечтала элита 3-х или 4-х поколений русских, — парламент. И с этим парламентом, столь покорным, что касается его роли, столь ревниво ограниченном, что касается его прав, Россия обладает живым зародышем всякой политической эволюции и необходимым инструментом всякой социальной реформы» (Ibid., p. XIV).

⁴ См. об этой «теории» Г. З. Иоффе. О формировании и развитии англо-американской историографии Февральской революции. «История СССР», 1967, № 1, стр. 137—159.

⁵ «La Révolution Française», mars — avril 1917, pp. 186—187.

⁶ Ibid.

⁷ См. об этом С. Бантке. 1917 год в освещении французского историка А. Олара. «Пролетарская революция», 1929, № 2—3, стр. 307—322.

⁸ А. Олар. Русская революция и Французская революция. Письмо к гражданам свободной России, Париж, 1917, стр. 18—19.

По мере развития и углубления революции в России, когда все более отчетливо проявлялась полярность интересов Временного правительства и трудящихся масс, французские историки были вынуждены постепенно отойти, а после июльского кризиса 1917 г. и вовсе отказаться от теории «мятежа патриотизма». Усиление антивоенных настроений трудящихся, борьба рабочего класса и крестьянства за удовлетворение своих экономических и политических требований, рост влияния большевистской партии — все это не укладывалось в рамки указанной «теории». Попытки по-иному объяснить происходившие в России революционные процессы были предприняты крупным французским историком П. Шалем в работе «Русская революция и европейская война»⁹, анонимными авторами брошюр «История русской революции» и «Смертельные опасности русской революции»¹⁰, а также ведущими историками Франции Э. Дени, П. де Кэксом, Л. Эйзенманном, Э. Оманом, Ж. Бенвиллем, Ж. Б. Севераком в ряде статей, опубликованных в основанном в июле 1917 г. в Париже журнале «Славянский мир»¹¹. Определяющей чертой большинства названных работ было стремление объяснить причины и характер событий в России врожденными качествами «русской души» — апатией, «русским евангелизмом» (который якобы был хорошо выражен Л. Толстым и Ф. Достоевским и «так легко соединяется с социализмом»), а также — и это было полным отходом от прежней точки зрения — отсутствием у русских какого бы то ни было патриотизма вообще¹².

В целом непонимание подлинного характера революции в России привело к тому, что восторженно-хвалебный тон, характерный для первых месяцев после Февральской революции, когда «весь цивилизованный мир образовал» вокруг нее «рукоплескающую галерею»¹³, уступило место пессимистическим рассуждениям о росте анархии, в которую де все более погружается русская революция и из которой нет выхода¹⁴.

Великая Октябрьская социалистическая революция была враждебно встречена подавляющим большинством французских буржуазных авторов. В 1918—1920 гг. выходит обширная литература, принадлежащая перу публицистов, журналистов, историков, дипломатов: «Красная Россия» Г. Домерга, четырехтомная «Русская революция» К. Ане, «8 месяцев русской революции» Р. Эрвала, «Русские порядки!» Г. де Виллена, «Что такое большевизм» Е. Бьенштока, «Большевики» Е. Бюиссона, анонимная «Большевизм и иудаизм», «Политические партии и русская революция» Деморни, «Большевистский ад» Р. Воше, «Мои русские тетради» М. Верстрета, «Русский апокалипсис» С. Шессена и т. д.¹⁵. Все

⁹ P. Chasles. La Révolution russe et la guerre européenne, Paris, 1917.

¹⁰ S. R. Histoire de la Révolution russe (1905—1917). Paris — Nansy, 1917; «Les dangers mortels de la Révolution russe», Paris, 1917.

¹¹ E. Denis, P. de Caix. Notre programme; J.-B. Sévérac. Les causes de la Révolution russe; E. Sémenov. La Révolution à Petrograd; J. Bainville. Comment est née la Révolution russe; E. Hauman. La crise pacifiste en Russie; O. G. La Chesnais. Les bolcheviki. — «Le Monde Slave», Paris, 1917.

¹² P. Chasles. La Révolution russe et la guerre européenne, pp. 11—12; E. Denis, P. de Caix. Op. cit.; E. Hauman. Op. cit., pp. 7—10, 437—441.

¹³ Из выступления А. Олара на митинге в Париже 1 апреля 1917 г. См. «La Révolution Française», mars — avril 1917, p. 187.

¹⁴ E. Hauman. Op. cit.; «Les dangers mortels de la Révolution russe». См. об этом также Ц. Фридланд. Французская печать об Октябре. «Историк-марксист», т. 5, 1927, стр. 71—93.

¹⁵ G. Domergue. La Russie rouge. Paris, 1918; C. Anet. La Révolution russe, 4 vols, Paris, 1918—1919; R. Hervé. Huit mois de la Révolution russe, Paris, 1918; G. de Villain. Choses de Russie! Paris, 1918; E. Bienstock. Qu'est ce que le bolchevisme, Paris, 1919; «Bolchevisme et judaïsme», Paris, 1919; E. Buisson. Les bolcheviki, Paris, 1919; L. Cornet. Que penser du bolchevisme, Paris, 1919; G. Demorgny. Les partis politiques et la révolution russe, Paris, 1919; R. Vaucher. L'enfer bolchevik, Paris, 1919; M. Verstraete. Mes cahiers russes, Paris, 1919; S. Chesnin. L'apocalypse russe, Paris, 1919.

эти книги и брошюры имели целью дискредитировать социалистическую революцию в России, большевистскую партию и ее вождей, оправдать интервенционистскую политику реакционных кругов Франции в отношении молодого Советского государства, содействовать объединению сил мирового империализма и русской контрреволюции¹⁶. Объясняя французскому читателю, почему революция, начавшаяся «мятежом патриотизма», окончилась, согласно их утверждениям, установлением диктатуры «кучки заговорщиков», которые тотчас же заявили о выходе России из войны и тем самым «нарушили» обязательства перед странами Антанты, вышеназванные авторы были склонны либо целиком, либо частично принять на вооружение клеветническую версию о «германо-большевистском заговоре». Эту версию Временное правительство пустило в оборот во время антибольшевистской кампании в июле 1917 г., и В. И. Ленин тогда же охарактеризовал ее как «дрейфусиаду настоящую, поход лжи и клеветы на почве дикой политической ненависти» с целью «политической травли большевиков как партии международного революционного пролетариата»¹⁷. Игнорируя советские источники или намеренно искажая их, опираясь на «свидетельства» русских белоэмигрантов и фальшивки, сфабрикованные империалистическими кругами США и Англии¹⁸, французские буржуазные публицисты и историки фактически продолжали антибольшевистскую «дрейфусиаду». Естественно, ни о какой научной ценности их писаний говорить не приходится: это была эклектическая мешанина, куда, помимо клеветы на большевиков, входили примитивные рассуждения о «русской душе» и фрагменты несостоятельных исторических концепций. Типичным примером подобного рода сочинений могла служить книга одного из редакторов газеты «Тан» Л. Нодо «Изнанка русского хаоса». Согласно Нодо, революция явилась следствием военных поражений, а они, в свою очередь, были вызваны такими качествами, присущими «темной безграмотной массе» русского народа, как отсутствие патриотизма, стремление к анархии и разрушению. Февральскую революцию Нодо называл «трагическим недоразумением», ибо, писал он, именно после нее русский народ, получив свободу, проявил свои извечные анархические наклонности, разрушил всякие начала государственности и вызвал полную экономическую и политическую дезорганизацию России. Решающим фактором в развертывании событий в период от Февраля к Октябрю автор считал «ленинскую пропаганду», которая якобы финансировалась германским генеральным штабом. Нодо был вынужден признать, что поддержка рабочих, крестьян и солдат обеспечила успех революции в Октябре, но одновременно он утверждал, что требования народных масс были невыполнимы в 1917 г., а попытка большевиков удовлетворить их привела Россию к катастрофе¹⁹.

Подобным образом оценивали Октябрьскую революцию и некоторые крупные буржуазные историки. 3 декабря 1917 г., начиная свой курс

¹⁶ Видный французский историк М. Крузе, характеризуя эти работы, пишет: «Рассказы эмигрантов о жестокостях, описание нищеты и волнений революции, приумноженные, преувеличенные, извращенные печатью... рассказы о красном терроре, самые невероятные сообщения, как, например о «национализации» женщин, создавали состояние коллективной истерии» (M. Crouzet, *L'Époque contemporaine. A la Recherche d'une nouvelle civilisation*, Paris, 1957, pp. 67—68).

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 424—426.

¹⁸ В первую очередь необходимо указать на фальшивку, известную как «документы Сиссона», сфабрикованную в 1918 г. американским разведчиком, и опубликованный в 1919 г. в США сборник «Германо-большевистский заговор». В 1919 г. в Англии вышло официальное издание «Большевизм в России. Английская белая книга» — сборник «донесений английских официальных представителей в России и... показаний очевидцев», переполненных клеветническими выпадами против Советской России. Оценку этих «публикаций» см. И. И. Минц. Указ. соч.; Б. Е. Штейн. Указ. соч.; «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов», М.—Л., 1928, стр. III—X.

¹⁹ L. Naudé. *Les dessous du chaos russe*, Paris, 1919, pp. 1—7, 8—27, 187—227.

лекций в Сорбонне, Олар оценил революцию в России как «неудачу демократической идеи», завершившуюся «выкидышем в анархии». Чтобы объяснить, почему русская революция не развивалась по схеме французской революции, Олар проводил следующее различие между ними: «Французская революция была унитарна. Народы Франции совершили ее, чтобы образовать одну семью, чтобы расплавиться в одну нацию. Русская революция была движением разъединения. Народы хотели отделиться». Кроме того, безапелляционно дсбавлял Олар, русский народ невежествен, что и обусловило приход большевиков к власти в России²⁰.

Вместе с тем в годы гражданской войны в буржуазной французской историографии возникает направление, представители которого, не удовлетворяясь поисками причин Октябрьской революции в чисто политической и психологической сферах, пытаются заглянуть в область общественных и экономических отношений России XX в. Они признают тот факт, что ни царское, ни Временное правительства не смогли решить социально-экономические и политические проблемы, стоявшие перед страной, и удовлетворить насущные требования масс. Так, в книгах П. Шаля «Большевизм, объясняемый социальным состоянием России» и Э. Антонелли «Большевистская Россия», в статье Р. Лабри «Коммунизм, крестьяне и социализация земли» говорилось о том, что столыпинское законодательство не решило аграрной проблемы в России, а Временное правительство ничего не сделало для удовлетворения законных требований крестьян²¹. Характеризуя политику Временного правительства, Антонелли писал: «Проходят дни и месяцы, а конкретные проблемы так, как их ставил народ, не разрешены: мир не заключен, земля не дана, хлеба не хватает»²². В книге «Русская промышленность и революция» Р. Лабри, обобщив большой фактический материал и нарисовав картину глубокого экономического кризиса в России в 1917 г., также показал полную неспособность Временного правительства найти выход из этого кризиса²³. Значительное место в объяснении развития революции в России от Февраля к Октябрю занимает «пацифистский кризис» — борьба трудящихся масс России за выход из империалистической войны. Говоря о подъеме национально-освободительного движения после свержения царизма, Антонелли отмечал нежелание Временного правительства демократически решить национальный вопрос и подчеркивал, что большевики смогли решить этот вопрос в духе, отвечающем интересам больших и малых народов²⁴.

Тем не менее, пытаясь установить причины неспособности Временного правительства найти ключ к решению неотложных проблем русского общества и объяснить, почему для удовлетворения вековых чаяний и насущных нужд трудящихся понадобилась Октябрьская революция, Лабри, Шаль и Антонелли делали шаг назад, обращаясь к традиционному методу выискивания «корня зла» в «особых чертах русской души». Так, первый возложил всю ответственность за катастрофическое состояние экономики России на... русских рабочих. Приток в годы войны малоквалифицированных, отсталых в политическом отношении крестьян на фабрики и заводы, привел к тому, бездоказательно утверждал он, что в психологии пролетариата усилились «извечные русские черты»: любовь к анархии и лень. До Февральской революции, продолжал Лабри, царская власть своим деспотизмом сдерживала проявление этих черт, однако после ее свержения рабочие своим непослушанием и непомерными

²⁰ «La Révolution Française», novembre — décembre 1917, p. 521.

²¹ P. Chasles. Le bolchévisme expliqué par l'Etat social de Russie, Paris, 1921; E. Antonelli. La Russie bolchéviste, Paris, 1919; «Histoire des Soviets», fasc. 1, Paris, 1922, pp. 73—74.

²² E. Antonelli. Op. cit., p. 73.

²³ R. Labry. L'industrie russe et la révolution, Paris, 1919, pp. 78—83.

²⁴ E. Antonelli. Op. cit., p. 131—144.

требованиями довели Россию до экономического краха²⁵. Шаль повторил филистерские утверждения об отсутствии у русских патриотизма и нежелании нести тяготы военного времени: «Русская нация не имела ни достаточного патриотизма, ни достаточно крепких нервов, чтобы перенести удары 1915 г., неспособность правительства и длительность войны»²⁶.

Казалось бы, тезис об этой мнимой неорганизованности и склонности русского народа к анархии логически исключал для его авторов возможность изображения Октябрьской революции как переворота, приведшего к установлению «большевистской диктатуры». Читатель работ Шалья, Антонелли и Лабри неизбежно должен был задаться вопросом, почему издревле непослушный и склонный к анархии народ, уже свергнув самодержавие и вкусив «прелесть свободы», пошел за большевиками. Но в том то и дело, что туманность вопроса о «русской душе» (а также, добавим, низкий уровень знаний о России в тогдашней Франции) допускали соединение самых несовместимых вещей: русский народ, объявляли упомянутые авторы, тяготел не только к анархизму, но и к «экстремизму», и одним из главных его желаний была твердая власть («идея сделки не входит в русский склад ума. Ум идет прямо к абсолюту, к полной и исключительной реализации»²⁷). Поэтому массы не понимали Временное правительство, но поняли большевиков («между русской душой и большевизмом есть глубокая близость»²⁸). А для того, чтобы как-то обосновать положение о соответствии большевистских идей и политики «русскому складу ума», «особым качествам» русского народа, Антонелли, Бурдо и некоторые другие авторы использовали распространенный и ныне в буржуазной историографии клеветнический тезис о ленинизме, как специфически русской форме общественной мысли и революционного движения, берущей начало от Нечаева и Бакунина и порожденной крайним деспотизмом царского самодержавия, полным отсутствием политических свобод в России²⁹. Естественно, что наличие подобных положений в книгах этих авторов по сути перечеркивало их усилия постичь те коренные противоречия в жизни России, которые обусловили неизбежность свержения как монархического, так и буржуазно-помещичьего строя. Если в постановочной части своих работ, заявляя о глубинных причинах революции, Антонелли, Шаль и Лабри поднимались над уровнем реакционной публицистики, о которой говорилось ранее, то в своих выводах они фактически скатывались на позиции Домерга, Ане, Нодо и иже с ними.

* * *

С начала 20-х годов начинается новый период в развитии французской буржуазной историографии Октябрьской революции, который охватывает время до начала второй мировой войны. Победоносное окончание гражданской войны и упорочение Советской власти, успехи восстановительного периода и возросшая роль СССР в мировых делах — все это побуждало французских славистов к пересмотру сложившихся концепций.

²⁵ R. Labry. Op. cit., pp. 75, 84—94, 105, 128, 131.

²⁶ P. Chasles. Le bolchévisme expliqué par l'Etat social de Russie, p. 25. «Когда разразилась война,— вторит ему Антонелли,— это примитивное существо (речь идет о русском солдате.— Н. Н.) не выдвигало никаких требований. Война народов, родина, союзы были для него словами, лишенными всякого смысла» (E. Antonelli. Op. cit., p. 72).

²⁷ E. Antonelli. Op. cit., p. 33.

²⁸ P. Chasles. Le bolchévisme expliqué par l'Etat social de Russie, p. 18.

²⁹ E. Antonelli. Op. cit., p. 59—64; J. Bourdeau. Tolstoi, Lenine et la révolution russe, Paris, 1921; P. Chasles. Le bolchévisme expliqué par l'Etat social de Russie, pp. 12—18.

Наметился отход от некоторых наиболее примитивных положений буржуазной историографии. Так, клеветническая версия о «германо-большевистском заговоре» занимает все меньшее место, а в конце 20-х годов почти совершенно исчезает из работ по истории Октября, несмотря на попытки реакционных империалистических и белоэмигрантских кругов гальванизировать ее³⁰.

Отдельные историки по-прежнему пытались определить характер Октябрьской революции путем сопоставления ее с французской буржуазной революцией XVIII в. Правда, выводы их теперь были несколько другими. А. Олар в 1922 г. в статье «Две революции», не избежавшей влияния реакционной французской и белоэмигрантской историографии, признавал, что сходство политической истории этих революций было чисто внешним и подчеркивал, что «русская революция отличается от французской так же, как Россия от Франции», причем главное отличие крылось в «огромности и разности населения», преимущественно крестьянского, желавшего «приобщиться к индивидуальной земельной собственности»³¹. «Как же эта революция, которая увеличила индивидуальную собственность в деревнях, как случилось, что эта революция была социалистической в своей программе?» — спрашивал Олар и сам отвечал на этот вопрос: «Рабочие там довольно многочисленны, и вожди революции могли опереться на них в своей диктатуре со следующей программой: социализация в городе, индивидуальная собственность в деревне с перспективой, что в один из дней просвещенные крестьяне последуют примеру рабочих»³². Не упрощая отношения А. Олара к Октябрю и советскому строю, которое менялось в последующие годы³³, следует отметить, что данная его работа долгие годы оставалась единственной во французской историографии, содержащей оценку Октябрьской революции как социалистической.

Попытка провести параллель между Октябрем и французской буржуазной революцией была предпринята в двухтомнике А. Роллена «Русская революция. Ее источники — ее результаты». Роллен рассматривал историю революций, происходивших в различные эпохи в странах мира, и делал вывод о том, что все они подчинены общим законам. Таковыми он считал видоизменение форм собственности в результате всякой революции, невозможность предусмотреть развитие революции («революция скорее ведет людей, чем люди ее»), прохождение революции через стадии: «террор» — «термидор» — «диктатура». Наиболее четкое воплощение этих законов, по Роллену, имело место во Франции в конце XVIII в.; русская революция повторила в основных чертах французскую, и свержение Временного правительства было одной из ее стадий. Главным содержанием октябрьского переворота Роллен, как и Олар, считал создание многочисленного слоя земельных собственников, из чего делал вывод о его буржуазном характере. Период 1917—1920 гг. он именовал «эпохой террора»; большевики, по мнению Роллена, пытались в эти

³⁰ См., напр. А. Керенский. *La Révolution russe* (1917), Paris, 1928, pp. 229—243. В этой книге бывший премьер Временного правительства вновь повторил без каких-либо изменений клеветническую версию, распространенную в 1917 г., хотя и заявлял до этого неоднократно, что Временное правительство в 1917 г. «располагало неопровержимыми данными», доказывающими связь большевиков с немецким генеральным штабом («*Le Monde Slave*», 1927, № 11—12, pp. 186). Не привели никаких «доказательств» этого ни П. Милюков (см. «*Bulletin de la société d'histoire moderne*», 5 série, № 3, mai 1928, pp. 27—30), ни П. Мельгунов в своей книге «Золотой куш большевиков» (Париж, 1940). Интересно отметить, что в интервью французской газеты «*Le Monde*» 14 марта 1967 г. Керенский ничего не говорит об этой клеветнической версии. Причину победы большевиков он видит на этот раз... в военном путче Корнилова («большевики, используя попытку установления военной диктатуры, захватили власть»).

³¹ «*Histoire des Soviets*», fasc 1, p. 10.

³² *Ibid.*, p. 11.

³³ См. об этом С. Бантке. Указ. соч.

годы отменить частную собственность. Нэп знаменовал собой начало периода «термидора», во время которого «последователи Ленина обязаны были вернуться к капитализму и дать ему более глубокие, более широкие и более прочные основы, чем те, которые он имел до этого»³⁴. Роллена не смущали ликвидация кулачества как класса и успехи коллективизации, достигнутые Советским государством к 1931 г., т. е. ко времени выхода его книги. Определяющим фактором в развитии Советской России после 1920 г. он, ничтоже сумняшеся, считал рост слоя зажиточных крестьян, в котором видел социальную основу для установления твердой власти наподобие диктатуры бонапартистского типа (приход которой Роллен предсказывал). Сославшись на Устрялова, Роллен бездоказательно заявлял, что политика раскулачивания затронула лишь незначительную часть кулаков, а коллективизация была... всего лишь временной мерой³⁵. Вообще, беспочвенные политические прогнозы и псевдонаучные рассуждения содержались в его книге в изобилии; по сути она была неоригинальной и компилятивной, отмеченной явным влиянием меньшевистских и сменовеховских концепций. К сожалению, это не мешает некоторым французским историкам по сей день использовать ее в своих работах.

В начале 20-х годов во французской исторической литературе распространяется тезис об Октябрьской революции как специфически русской форме буржуазной революции обусловленной особенностями исторического развития России. Этот тезис, изложенный в ряде работ русских эмигрантских и французских историков³⁶, прослеживается в виде законченной концепции в коллективной трехтомной «Истории России» и работе Ф. Гренара «Русская революция»³⁷. В основу этих работ легла теория исторического развития России в формулировке эпигона государственной школы русской историографии, лидера партии кадетов П. Н. Миллюкова.

В работах, вышедших после Октябрьской революции, Миллюков довел до логического завершения свои ранее изложенные исторические взгляды. По схеме Миллюкова, русское общество, аморфное, неустойчивое, лишенное четко оформленных классов, с ранних ступеней своего развития удерживалось от распада и, пусть медленно, но шло по пути прогресса благодаря надклассовому органу — государству, «наложенному сверху на общество». Равновесие между обществом и государством, сохранявшееся веками (несмотря на временные потрясения), было, однако, нарушено начавшейся мировой войной. Неумелая политика царя, вызвавшая военные неудачи, привела к «окончательному разрыву между правительством и народом», и самодержавие пало. Но с падением самодержавия исчезли и те рамки, которые удерживали русское общество от распада. Характеризуя развитие русской революции от Февраля к Октябрю 1917 г., Миллюков, по сути дела, повторил ряд основных положений историографии начала 20-х годов, втиснув их в рамки «государственной» концепции. Так, первым фактором внутривнутриполитической обстановки 1917 г. он называл «самобытный анархизм масс», который ранее сдерживался самодержавием с помощью насилия; тезис о надклассовой, регулирующей роли государства «помог» ему «объяснить» то, чему Шаль, Лабри и Антонелли искали чисто психологическое истолкование — поддержку массами Советской власти³⁸. Конечно, оставаясь на позициях буржуазной методологии, Миллюков не постиг — да и не мог

³⁴ H. Rollin. Révolution russe. Ses origines — ses résultats, 2 vols, Paris, 1931, pp. VI, XI, 151.

³⁵ Ibid., p. XIX, 295.

³⁶ E. Bienstock. Histoire du mouvement révolutionnaire en Russie, Paris, 1920; E. Nolde. Le regne de Lenine, Paris, 1920, p. 7; «Histoire des Soviets», fasc. 1, p. 6—7.

³⁷ P. Milioukov, Ch. Seignobos, L. Eisenmann. Histoire de Russie, 3 vols, Paris, 1932—1933; F. Grenard. La Révolution russe, Paris, 1933.

³⁸ П. Н. Миллюков. Россия на переломе. Париж, 1927, т. 1, стр. 13, 29—38.

постичь — истинных причин Октябрьской революции; он лишь попытался дать ей более широкое теоретическое истолкование, субъективизм которого не столь разительно бросался бы в глаза, как субъективизм «теорий», делавших упор на психологию «россиян», и домыслы о «германобольшевистском заговоре». Выдвинув положение о том, что цель современной революции — «переход от средневековья к современной демократии», Миллюков утверждал, что «русская революция не составляет исключения из общего правила и в этом ее основной смысл». Отрицая социалистический характер Октябрьской революции, он называл ее «одной из форм подчинения, через которую прошел русский революционный процесс», не перешедший еще за черту буржуазно-демократических преобразований³⁹.

Свою концепцию Октябрьской революции Миллюков повторил с незначительными изменениями в трехтомной «Истории России», написанной им совместно с крупнейшими французскими учеными Ш. Сеньобосом и Л. Эйзенманном⁴⁰, которая и поныне является основным учебным пособием для французских студентов, занимающихся изучением истории СССР⁴¹. Однако в третьем томе, вышедшем в 1933 г., т. е. в период, когда советским народом были одержаны крупные успехи в строительстве социалистической экономики, Миллюков уклонился от характеристики Октябрьской революции. Признав, что после нее Россия находится в состоянии «изменения, которое откроет новую эру истории России», он заявил: «Сказать, каков будет характер этого изменения, не является больше задачей историка»⁴².

В русле кадетской концепции лежали еще две книги русских белоэмигрантов, изданные во Франции в конце 20-х годов. В книге «Старый режим и русская революция» Б. Нольде пытался представить основной движущей силой революции в период от Февраля к Октябрю солдатские массы, которые, «бездельничая» в тыловых гарнизонах, оказались восприимчивыми к «большевистской пропаганде» и даже привлекли на свою сторону некоторую часть гражданского населения. Этот же совершенно фальшивый тезис содержался в сборнике документов «Большевистский переворот», составленном С. Ольденбургом⁴³.

Наконец, по стопам Миллюкова шел Ф. Гренар, чья «Русская революция» до настоящего времени считается французскими буржуазными историками одним из наиболее значительных исследований истории Октября. В разделе своей работы, посвященном историческому развитию России до 1917 г., Гренар повторил тезис о государстве как надклассовом органе и основном орудии прогресса в России. Признавая, что революция 1905—1907 гг. не решила задач буржуазно-демократического развития России, Гренар утверждал, что эти задачи могли быть тем не менее решены «сверху» при сохранении самодержавия⁴⁴. Однако после Февральской революции старый «материальный аппарат государства был разрушен». Попытки Временного правительства ввести европейскую форму государственности и наладить сотрудничество между классами

³⁹ Там же, стр. 29, 32, 41. «Никакого коммунизма не было введено в России... и сами коммунисты должны были приспособляться к условиям русской действительности, чтобы существовать», — писал Миллюков (там же, стр. 41).

⁴⁰ Перу Миллюкова принадлежит около $\frac{4}{5}$ этой работы. Кроме Миллюкова в написании «Истории России» участвовали П. Гронский, А. Кизеветтер, В. Мякотин, Г. Миркин-Геттевич и другие эмигрантские историки.

⁴¹ См. Р. Порталь. Изучение истории СССР во Франции. «История СССР», 1959, № 1, стр. 231.

⁴² P. Milliukov, Ch. Seignobos, L. Eisenmann. Op. cit., vol. 3, p. 1382.

⁴³ B. Nolde. Ancien régime et la révolution russe, Paris, 1928, pp. 162, 165, 178; «Le coup d'Etat bolchéviste, 20 octobre — 3 décembre 1917. Recueil des documents relatif à la prise du pouvoir par les bolchevistes traduit et annotés par S. Oldenbourg», Paris, 1929. «Именно в армии, в ее 16 млн. мобилизованных», — утверждал Ольденбург, — находится ключ событий как в марте, так и в ноябре» (Op. cit., p. 8).

⁴⁴ F. Grenard. Op. cit., pp. 6, 18, 142.

закончились неудачей. Подобно Антонелли, Гренар был бессилен дать социально-экономическое объяснение краха буржуазно-демократического строя в России и делал упор на мнимые «анархистско-экстремистские» качества русского народа: «очевидно,— писал он,— Россия не понимала еще условий свободного правления»⁴⁵. Охарактеризовав Октябрьскую революцию как русскую форму буржуазной революции, Гренар называл социально-экономический и политический строй Советской страны государственно-капиталистическим. Выражая надежду, что Советский Союз путем постепенной эволюции превратится в обычную буржуазную страну западного типа, Гренар утверждал, словно подсказывая основную линию аргументации современным апологетами т. н. теории «конвергенции»: «Через несколько лет то, что нас ужасало как катаклизм, без сомнения, примет форму простого случая в развитии европейской цивилизации»⁴⁶.

С выходом работ П. Н. Милюкова и Ф. Гренара кадетская концепция Октябрьской революции, справедливо названная М. Н. Покровским «буржуазной концепцией пролетарской революции»⁴⁷, прочно утвердилась во французской буржуазной историографии. Многочисленные работы, вышедшие в конце 20-х — начале 30-х годов, лишь повторяли или слегка видоизменяли те или иные положения этой концепции. Так, профессор Ж. Лекюр в своих работах по истории Октябрьской революции («Истоки русской революции», «Русская революция. Большевизм, коммунизм и энп», «Плановый режим») характеризовал Октябрьскую революцию как буржуазную, а Советский Союз как капиталистическое государство⁴⁸. Кадетская концепция Октябрьской революции перепевалась в различных учебных пособиях, исторических энциклопедиях, книгах по европейской и мировой истории⁴⁹.

Таким образом, отход от примитивной точки зрения, сводящей Февральскую революцию к «мятежу патриотизма», а также насквозь фальшивого домысла о «германо-большевистском заговоре» и поспешных параллелей между Россией 1917 г. и Францией 1792—1794 гг., не привел все же к серьезным качественным сдвигам во французской историографии Октября. И методологическая основа и источниковедческая база, которые достались в наследство от предвоенного времени современной французской буржуазной «россии» и «советике», были отмечены печатью субъективизма и ярко выраженной тенденциозности.

Исторические победы советского народа в годы войны, полная и окончательная победа социализма в СССР, образование мировой социалистической системы и превращение ее в решающий фактор мирового развития, рост влияния идей марксизма-ленинизма во всех странах мира, с одной стороны, углубление общего кризиса империализма, продолжающийся кризис буржуазной идеологии и попытки преодолеть этот кризис путем признания порою отдельных положений марксизма, с другой,— все это не могло не оказать влияния на развитие французской историографии Октября в послевоенный период.

Бесспорно важным фактором, определявшим это развитие, явились исследования историков-марксистов во Франции и особенно успехи со-

⁴⁵ Ibid., pp. 283, 286.

⁴⁶ Ibid., p. 382—385.

⁴⁷ «Историк-марксист», т. 3, 1927, стр. 56.

⁴⁸ J. Lescure. Les origines de la Révolution russe, Paris, 1927; его же. La Révolution russe. Le bolchévisme, le communisme et NEP, Paris, 1929; его же. Le bolchévisme de Staline. Le régime des Plans, Paris, 1934.

⁴⁹ «Histoire générale des peuples de l'antiquité à nos jours», publiée sous la direction de M. Petit, Paris, 1926, t. 3, p. 267; «Manuel historique de politique étrangère» par E. Bourgeois, t. 4, Paris, 1928, pp. 684—686; Ch. Aimond. Histoire contemporaine. Du milieu du XIX siècle à nos jours, Paris, 1933; L. Cohen, R. Ronze, E. Folinais. Histoire du monde de 1919 à 1937, Paris, 1937, pp. 333—352.

временной советской исторической науки, которых не могут не признавать ныне буржуазные историки⁵⁰. Если, однако, учесть, что многие консервативные методы и псевдонаучные теории оказались весьма живучими и в том или ином проявлении то и дело всплывают вновь, то станет ясно, что современная французская буржуазная историография Октябрьской революции — явление сложное, многоплановое, отмеченное различными противоречивыми тенденциями.

Положения, распространенные в довоенной историографии, содержатся в работах, появившихся в первое послевоенное десятилетие в атмосфере «холодной войны», а также некоторых более поздних исследований. Отметим здесь «Историю России» Ж. Вельтера, в которой находим без каких-либо существенных изменений схему истории Октября, заимствованную у Ф. Гренара⁵¹; книгу Э. Краковского «История России. Евразия и Запад», где повторены избитые измышления о «русской душе» и особых путях Запада и Востока, а Октябрьская революция изображена как проявление крайней анархии, после которой Россия вернулась якобы к состоянию, в котором она была при Петре I⁵²; статью М. Ларан «Об идеологических истоках русской революции: оппозиционные течения в России с конца XIX в. до 1905 г.», сводящую идейно-политическую борьбу в России в указанный период к переплетению западного и восточного влияния на «русскую душу»⁵³.

Любопытным феноменом воспроизведения рассмотренных выше концепций Олара и Роллена явились книги Ж. Вальтера «История русской революции» и Ж. Конта «Русская революция в описании очевидцев»⁵⁴. Идя, как Олар и Роллен, по пути поисков чисто формального сходства политической истории Франции конца XVIII в. и России 1917 г., оба автора вновь попытались доказать, что Октябрьская революция была лишь одним из этапов буржуазной революции в России, повторяющей в основных чертах Французскую революцию 1792—1794 гг.

В целом ряде работ, вышедших в послевоенный период, в том числе в последние годы, и отмеченных стремлением их авторов глубже, чем раньше, проникнуть в сложную этиологию событий 1917 г. в России, тем не менее содержатся следы влияния традиционных концепций 20-х—30-х годов. Так, в книге Ф.-К. Кокэна «Русская революция», которая, как отмечалось в советской печати, в ряде аспектов существенно отличается от книг реакционных буржуазных историков⁵⁵, нетрудно обнаружить положения, заимствованные из прежних схем истории Октябрьской революции. Кокэн, по существу, повторяет идею о надклассовом характере русского государства⁵⁶, а процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую изображает как борьбу между различными политическими группировками и партиями при пассивном выжидании трудящихся масс России. Наряду с объективным анализом причин краха политики Временного правительства, в работе Кокэна содержится тезис о том, что Временное правительство было лишено поддержки всех классов, в том числе и... буржуазии, а Октябрьская революция изображается как действие кучки революционеров, опирав-

⁵⁰ Профессор Сорбонны Ж.-Б. Дюрозель, отмечая, что исторические исследования в СССР «организованы так, что вызывают восхищение», признает, что современная советская историческая наука находится в «состоянии полного обновления», а советские историки публикуют труды «замечательного качества» (J.-B. Duroselle. *L'Europe de 1815 à nos jours. Vie politique et relations internationales*, Paris, 1964, pp. 63—64).

⁵¹ G. Welter. *Histoire de Russie*, Paris, 1946, pp. 351—372.

⁵² E. Krakowski. *Histoire de Russie. L' Eurasie et l' Occident*, Paris, 1967, pp. 376, 406—407, 409.

⁵³ «Revue historique», t. 220 (CCXX), 1958, pp. 97—110.

⁵⁴ G. Walter. *Histoire de la Révolution russe*, Paris, 1953; J. Comte. *La Révolution russe par ses témoins*, Paris, 1963.

⁵⁵ См. рецензию В. С. Рыкалова («История СССР», 1964, № 3, стр. 214—216).

⁵⁶ F.-X. Coquin. *La Révolution russe*, Paris, 1965. 2-ème ed., p. 7—8.

шейся на несколько тысяч матросов и красногвардейцев и без труда захватившей власть⁵⁷. Ясно, что подобные рассуждения призваны, в сущности, выразить идею отрицания социалистического характера Октябрьской революции; недаром Кокэн характеризует ее как «прежде всего русскую революцию... мощную национальную реакцию на самодержавный режим». И далее: «Русская по рождению, она лишь случайно проявилась как революция международная»⁵⁸.

На первый взгляд, ряд новых и более обоснованных положений выгодно отличает работу преподавателя Лионского университета П. Сорлена «Советское общество». Не вызывает возражения, например, вывод Сорлена о том, что «только пролетариат в октябре 1917 г. был способен взять в руки судьбу страны»⁵⁹. Однако при внимательном рассмотрении работы оказывается, что подобные признания автор совмещает с повторением традиционной аргументации апологетов теории исключительности исторического развития России до 1917 г. и буржуазного характера Октябрьской революции.

Согласно Сорлену, «не будучи ни европейской, ни азиатской страной, Россия уже в 1914 г. представляла особый мир». Февральскую революцию Сорлен стремится объяснить тем, что самодержавие якобы не поддерживал никто, кроме чиновничества, а Октябрьскую — исключительной слабостью русской «разделенной» буржуазии⁶⁰. Подобно Гренару, Нольде и Ольденбургу, в анализе общественных сил, действовавших в России в 1917 г., Сорлен отводит непомерно большое место роли армии. Он выделяет ее, наряду с крестьянством, буржуазией и пролетариатом, в особый общественный класс и пытается создать у читателя впечатление, будто армия и предредила исход Октябрьской революции. При характеристике первых месяцев Советской власти Сорлен стремится доказать, что попытки социалистической реорганизации экономики не удалась, а гражданская война и вызванная ею экономическая разруха вынудили якобы большевиков вообще отказаться от намерения построить социалистическое общество⁶¹. И далее, подчеркивая, что «советское общество не является таким же обществом, как другие», автор ставит под сомнение социалистический характер осуществленных в СССР преобразований⁶².

Аналогичные сентенции характерны для двух работ, вышедших под одинаковым названием «Современный мир» и принадлежащих перу Ж. Сентона и Ш. Карбонеля (первая), Ж. Буйона, П. Сорлена и Ж. Рюделя (вторая). Признавая успехи советского народа в превращении России в передовую промышленную державу и важную роль социалистического лагеря в современном мире, вышеназванные авторы вместе с тем бездоказательно утверждают, что построенное в СССР общество не является полностью социалистическим по своему характеру, что Советский Союз якобы частично отошел от идеалов Октябрьской революции⁶³.

Нередко значение Октябрьской революции в работах французских историков неоправданно ограничивается рамками истории первой миро-

⁵⁷ Ibid., pp. 95, 102.

⁵⁸ Ibid., p. 5.

⁵⁹ P. Sorlin. La Société soviétique, Paris, 1964, p. 61.

⁶⁰ Ibid., p. 7—8, 61. Характеризуя государственную власть в России, Сорлен пишет: «Власть, изолированная, не опиравшаяся ни на общественный класс, ни даже на касту, представляла простой пережиток» (p. 247).

⁶¹ Ibid., pp. 61—65.

⁶² Ibid., pp. 247—248. «Советские люди говорят, что их оригинальность происходит от социализма, — пишет Сорлен. — В отношении деревни они, конечно, правы: европейские сельские общества, американские, африканские не имеют ничего общего с коллективной системой. Но города, отличаются ли они?»

⁶³ J. Senton, Ch. Carbonelle. Le Monde contemporain, Paris, 1962, p. 403—442; J. Bouillon, P. Sorlin, J. Rudel. Le Monde contemporain. Histoire, civilisation, Paris, 1963, pp. 23—34, 30—31, 340—341, 344—397.

вой войны. Так, в работах Ж. Гальтье-Буасьер «История великой войны» и Ж. Б. Дюрозеля «Европа с 1815 г. до наших дней» Октябрьская революция оценивается только с точки зрения военных интересов Франции того времени, что приводит авторов к повторению избитых утверждений о нарушении Россией своих союзнических обязательств в войне и замалчиванию эпохальной роли возникновения первого в мире социалистического государства. Видный французский историк П. Ренувен в своей работе «Европейский кризис и великая война (1904—1918)», а также в 7 томе «Истории международных отношений» — «Кризисы 20-го века», — следуя за Гренаром в оценке причин и характера Октябрьской революции, также рассматривает ее лишь как эпизод мировой войны, приведший в конечном итоге к нарушению Россией своих обязательств перед Антантой⁶⁴.

Приходится признать, что и поныне французские русисты и советоведы чаще всего обращаются к ставшему в некотором роде традиционным для буржуазной историографии кругу источников и литературы по истории Октября. Для подтверждения положения о пресловутых «свойствах русской души» нередко приводится набор тенденциозно выхваченных цитат различных писателей и философов, от де Кюстина до сменовеховцев. Заходит речь об исключительности исторического развития России — неизменно всплывают как само собою разумеющиеся положения работ П. Н. Милюкова. Для подтверждения «солдатского» характера Октябрьской революции историки иной раз ссылаются на издания, научная ценность которых поистине ничтожна, например, на такие архидилетантские писания как «История русской революции» крайне правого журналиста К. Ане или «Воспоминания о России» Ж. Легра.

Это, порой почти буквальное, заимствование современными буржуазными историками Франции несостоятельных в научном отношении тезисов и концепций в значительной мере объясняется тем, что они либо игнорируют, либо недостаточно используют источники по истории Октябрьской революции, опубликованные в СССР.

Вряд ли найдется ныне во Франции буржуазный историк, который бы ставил под сомнение роль В. И. Ленина в подготовке и проведении Октябрьской революции. Это не мешает, однако, многим из них ограничено и крайне тенденциозно использовать его работы по истории Октября. Напротив, нельзя не обратить внимания на факт широкого использования современными французскими буржуазными историками троцкистской литературы. Так, в работах Ф. К. Кокэна и П. Сорлена широко используется работа Л. Троцкого «История русской революции», которую, например, Кокэн объявляет ни более ни менее как «лучшей работой общего характера» по истории революции⁶⁵.

От рассмотренных выше работ, в разной, но весьма значительной степени подверженных влиянию традиционных схем французской буржуазной историографии, значительно отличаются исследования ученых, которые при всех их отдельно спорных и ошибочных утверждениях, а также различиях между собой сходятся в оценке Октябрьской революции как события международного значения, определившего направление дальнейшего развития всемирной истории и приведшего к созданию в России социалистического общества. Сюда относится работа М. Крузе «Современная эпоха. В поисках новой цивилизации». Хотя при освещении причин Октябрьской революции Крузе повторил некоторые неверные положения, он оценивает ее как «самое колоссальное историческое событие

⁶⁴ J. Galtier-Boissière. Histoire de la grande guerre 1914—1918, Paris, 1962, pp. 376—435; J. B. Duroselle. Op. cit., pp. 171—177, P. Renouvin. La crise européenne et la grande guerre (1904—1918), Paris, 1955, pp. 360—365; «Histoire générale des Relations Internationales», publiée sous la direction de P. Renouvin. Tome VII. Les crises du XX siècle. I. De 1914 à 1929, Paris, 1957, pp. 93, 96.

⁶⁵ См. библиографию в конце книги Ф. К. Кокэна.

после Реформации» и признает, что она послужила «основанию социалистического государства» и вызвала раскол мира на две противоположные социально-экономические системы⁶⁶.

Особое место среди историков этого направления занимает директор Института славяноведения, профессор Сорбонны Р. Порталь. В его статье, опубликованной в шеститомнике «Европа в XIX и XX вв.», содержится серьезный, с использованием трудов советских историков, анализ социально-экономического и политического развития России накануне 1917 г. Р. Порталь отмечает высокую степень концентрации промышленности в России и высокий профессионально-технический уровень русского пролетариата, но вместе с тем признает, что в условиях царского режима Россия не могла превратиться в «великую индустриальную державу». Он указывает, что аграрное законодательство Столыпина не решило аграрной проблемы, а в целом «Россия в 1917 г. оставалась страной контрастов, где сосуществовали самые современные и самые отсталые формы производства»⁶⁷. Оценивая политическое развитие страны накануне 1917 г., автор подчеркивает, что «Россия не вышла из русла псевдоконституционного режима, за ширмами которого правительство могло лучше защищаться против народных масс». Он отвергает положение об Октябрьской революции как верхушечном перевороте («идея о том, что революция 1917 г. — дело малой группы профессиональных агитаторов, использующих благоприятные обстоятельства, должна быть отставлена») и полемизирует с историками, утверждающими, что причиной Октябрьской революции была первая мировая война («одна только война не могла бы повлечь победы большевистской партии»)⁶⁸. Подводя итог социально-экономического и политического развития России, обусловившего неизбежность Октябрьской революции и «превращения самодержавной монархии... в социалистическую республику», Порталь заключает «Успех большевистской революции, полное превращение Российской империи в СССР, кажется, подтверждают тезис, что Октябрьские события 1917 года были определены не столько партией Ленина, сколько предшествующей историей России и, более непосредственно, последствиями войны»⁶⁹.

Те же положения содержат главы, посвященные истории России накануне 1917 г. в книге Р. Порталья «Славяне. Народы и нации». В этой фундаментальной работе по истории славянских народов Р. Порталь уделяет также большое место успехам строительства социализма в СССР, подчеркивая, что они стали возможны благодаря социалистической революции в Октябре 1917 г.⁷⁰

* * *

Анализ развития французской буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции показывает, что за прошедшие полвека эта историография претерпела определенные изменения. Современные французские историки отвергают злостный домысел о «германо-большевистском заговоре»⁷¹; они несомненно реже, чем рань-

⁶⁶ «Histoire générale des civilisations». Tome VII. «L'Epoque contemporaine. A la recherche d'une nouvelle civilisations», par M. Crouzet, Paris, 1957, pp. 218—219.

⁶⁷ «Europe du XIX et du XX siècles», t. III, Paris, 1964, pp. 259, 264, 267—268.

⁶⁸ Ibid., pp. 283, 272.

⁶⁹ Ibid., pp. 253, 288.

⁷⁰ См. R. Portal. Les Slaves. Peuples et nations, Paris, 1965, pp. 259—329.

⁷¹ Когда в 1956 г. английский историк Г. Катков, а в 1958 г. З. Земан опубликовали ряд тенденциозно подобранных документов германского МИД, долживших оживить клеветническую версию о «германо-большевистском заговоре» (см. G. Katkov. German Foreign Office Documents of Financial Support to the Bolcheviks in 1917. «International Affairs», vol. 32, № 2, April 1956, p. 181—189; Z. A. B. Z e m a n. Germany and the Revolution in Russia. Lnd., 1958), эти публикации вызвали со стороны фран-

ше, используют экскурсии в область «русской психологии» для объяснения событий 1917 г. Поверхностные параллели между Французской буржуазной революцией конца XVIII в. и Октябрем, насколько нам известно, в послевоенный период серьезно проводят лишь Ж. Вальтер и Ж. Конт. Конечно, трудно было ожидать, что детально разработанная Милюковым и Гренаром и столь прочно укоренившаяся во французской историографии концепция Октября, как специфически русской формы буржуазной революции, будет радикально пересмотрена современными исследователями; поэтому мы не удивляемся тому, что, как в общем виде, так и в отдельных элементах, она присутствует в трудах целого ряда авторов типа Вельтера. Даже столь многоопытный и эрудированный историк, как П. Ренувен, считает книгу Гренара важным для буржуазной науки пособием по истории Октябрьской революции⁷². Однако является фактом стремление к новому, более углубленному подходу. Оно проявилось в известной степени в книгах Кокэна и Сорлена (последний, например, делает вывод о пролетарском характере Октябрьской революции) и ярко выразилось в работах М. Крузе и Р. Портала, которые признают объективную обусловленность и мировое значение Октября, а также социалистическую сущность нового строя в России. Видимо, не будет преувеличением в числе наиболее характерных тенденций французской буржуазной историографии на современном этапе назвать отказ от клеветнических версий, все более широкое использование советских источников и исследований советских авторов, повышенное внимание к социально-экономическому анализу процессов, породивших Октябрьскую революцию, признание грандиозных успехов советского народа как ее результата.

Старания определенных кругов французской буржуазии сдерживать развитие этих тенденций и противопоставить им изыскания реакционных авторов лишь полнее обнаруживают полное научное бесплодие последних, их неспособность понять и объективно оценить Октябрьскую революцию. К сожалению, подобного рода изыскания в немалом количестве — и отнюдь не случайно — появились в целом ряде буржуазных журналов и газет Франции в прошлом году, ознаменовавшем пятидесятилетие Советской власти. Так, в статье Б. Суварина «Перспектива годовщины» мы находим как антисоветские мифы, имевшие широкое хождение в буржуазной историографии в 1917—1920 гг. (Октябрьская революция привела к установлению «диктатуры партии», которая недолговечна и «применяет силу», чтобы удержаться у власти), так и отголоски клеветнических теоретик более позднего времени (социалистическое строительство в СССР явилось «отказом» от «первоначальной программы», провозглашенной Октябрьской революцией)⁷³. Грубыми домысла-

цукских историков отрицательную оценку. Ф. К. Кокэн в рецензии на книгу Земана отмечал, что она дает «искаженное видение событий Октябрьской революции» (*«Revue historique»*, juin 1960, p. 189—190). Другой французский историк Ж. Бонэн подверг тщательному критическому разбору опубликованные Катковым и Земаном документы и убедительно, на наш взгляд, показал, что, будучи сфабрикованными чиновниками ведомства иностранных дел и разведывательных служб кайзеровской Германии, они не могут служить подтверждением скомпрометировавшей себя версии (*«Revue historique»*, janvier — mars 1964, pp. 101—126). Версия о «сговоре» кайзеровского генштаба с большевиками входит в наше время лишь в арсенал бульварной антисоветской прессы и крайне реакционных авторов.

⁷² P. Renouvin. La crise européenne et la grande guerre, p. 476.

⁷³ B. Souvarine. Perspective d'anniversaire. *«Le Contrat Social»*, № 4, juillet — août 1967, p. 199—200. Суварин возглавляет созданные в послевоенные годы в Париже Ассоциацию международных исследований и информации и Институт социальной истории, которые являются, по существу, одной и той же организацией, объединяющей группу крайне реакционных историков и социологов целого ряда стран. В издающихся ими бюллетене «Восток и Запад» (*«East et Ouest»*) и журнале «Общественный договор» (*«Le Contrat social»*) публикуются клеветнические материалы сомнительного происхождения, направленные на дискредитацию идей марксизма-ленинизма и успехов социалистического строительства в СССР и странах народной демократии.

ми переполнена статья Л. Эмери «Взгляд на 1917 год». Полностью отказавшись от социально-экономического анализа событий 1917 г., он рассматривает развитие революции в России исключительно с точки зрения военных интересов Франции в годы первой мировой войны. Эмери клеветнически утверждает, что в результате свержения царизма Россия «погрузилась в анархию, подобную быстро развивающейся болезни», и большевики захватили власть, воспользовавшись этой анархией⁷⁴. «То, что называют Октябрьской революцией,— с глубокомысленным видом вещает Эмери,— похоже на наши парижские дни прошлого века, с которыми связано имя Бланки, смелый переворот, использующий несостоятельность власти»⁷⁵.

Не отличаются оригинальностью и попытки некоторых французских историков по-прежнему объяснять Октябрьскую революцию и установление диктатуры пролетариата, исходя из государственной теории исторического развития России. В анонимной статье, опубликованной к 50-летию Февральской революции в ежемесячнике «Монд дипломатик», утверждается: «Диктатура пролетариата была осуществлена фактически кучкой революционеров. Она была глубоко отмечена средой, в которой она находилась, и обстоятельствами, которые сопровождали ее первые шаги. Ей приходилось также примерять требование принципов, которые она провозгласила, с потребностями государства, у которого есть свои собственные интересы». В этом же журнале напечатана статья одного из ведущих французских советоведов Б. Ферро «Главные этапы советского режима», в которой вся история советского общества сводится к неизвестно где обнаруженной автором борьбе между партийным аппаратом, с одной стороны, и... советским и хозяйственным аппаратом — с другой⁷⁶.

Было бы, однако, несправедливо не отметить, что наряду с опусами реакционных советоведов и «кремлеведов» в юбилейном 1967 году во Франции появились работы, авторы которых стремятся объективно разобраться в причинах и характере Октябрьской революции. К ним следует отнести вышедшую летом 1967 г. книгу известного французского историка М. Ферро «Революция 1917 г. Падение царизма и истоки Октября». Написанный на основе широкого круга советских и иностранных источников, с использованием архивных документов, в том числе советских, этот труд отличается прежде всего стремлением автора к широкому анализу социально-экономических и политических процессов, обусловивших свержение царизма и развитие революции от Февраля к Октябрю. В специальной главе, посвященной русским рабочим, крестьянам и солдатам, Ферро анализирует экономические и политические требования трудящихся масс России, содержащиеся в их наказах и петициях Советам и Временному правительству, в решениях различных собраний, съездов и конференций. М. Ферро убедительно показывает, что ни буржуазное Временное правительство, ни мелкобуржуазные лидеры Советов не сделали ничего для удовлетворения этих требований. Говоря о программе и деятельности большевистской партии, автор признает, что большевики были подлинными выразителями чаяний народных масс России, и именно в этом крылся залог их успеха. К достоинствам книги Ферро следует отнести рассмотрение истории русской революции на широком фоне мировых событий, что позволяет читателю сделать вывод о воздействии ее на эти события⁷⁷.

⁷⁴ L. Emery. Coup d'oeil sur l'année 1917. «Est et Ouest», N 379, 1967, p. 1—3. Тот же перепев мы находим в статье «Забытая революция» Д. Жаме, в которой утверждается: «Красный Октябрь не был порожден Февралем. Ускоренное сползание, которое приведет через 8 месяцев к республике Советов, завершится в смятении и беспорядке» («Figaro Littéraire», 9 mars 1967, p. 9).

⁷⁵ L. Emery. Op. cit., pp. 1—3.

⁷⁶ «Le Monde Diplomatique», № 186, mars 1967, p. 2.

⁷⁷ M. Ferro. La Révolution 1917. La Chute du tsarisme et les origines d'octobre, Paris, 1967, pp. 170—198, 133—142, 468—470, 474—475.

Хотелось бы надеяться, что все большее число французских историков будет стремиться к объективному освещению истории Великой Октябрьской социалистической революции и среди них будет шириться понимание того, что Р. Порталь выразил следующими словами: «1917 год был решающим годом в истории нового времени, ибо с этого момента оценки последующего развития наших обществ определялись и продолжают определяться сравнением — подразумеваемым или нет — с русской революцией в Октябре» ⁷⁸.

⁷⁸ См. предисловие Р. Порталья к книге М. Ферро, стр. 7.

